

— Урожай в целый ши с участка! Да это же уровень давно возделанной земли среднего качества!

Если даже бесплодная, едва расчищенная целина после удобрения принесла столько зерна, то чего же можно добиться на обычных полях? Неужели они сразу станут первосортными?

Плодородных земель в уезде Шаоюань всегда не хватало. На одну крестьянскую семью приходилось от силы пять-шесть му, да и те по большей части относились к средним угодыям. С такого надела едва удавалось прокормиться — о сытой жизни и думать не приходилось.

Но стоило уездному судье Цзяну взяться за дело, как заброшенные пустоши превратились в пашню, причем не уступающую крепким средним наделам!

Если бы они смогли удобрять свои поля так же, как господин судья, разве пришлось бы им и дальше трястись над каждым колоском? Разве пришлось бы после уплаты налогов влезать в долги, чтобы просто не умереть с голоду?

Толпа зевак взревела от изумления. Люди напирали друг на друга, сиюсь протиснуться поближе к сияющим горам намолоченного зерна — чуду, сотворенному волей уездного судьи.

Поначалу многие качали головами и сомневались. Крестьяне рассуждали просто: пускай этот Цзян Умянь развлекается как хочет, сажает сорняки да мешает навоз, лишь бы их собственные наделы не трогал. Но теперь, глядя на ломящиеся от зерна закрома, каждый из них втайне жалел, что этот участок земли принадлежит не ему.

Сотни жадных, пылающих надеждой глаз устремились на Цзян Умяня. Люди затаили дыхание, ожидая, что он скажет, и надеясь выведать секрет чудодейственного удобрения.

Они были готовы даже заплатить! За неполный год, что судья Цзян управлял уездом, кошельки местных жителей заметно потяжелели. А уж те, кто владел хоть каким-то ремеслом, и вовсе стали зарабатывать в разы больше прежнего.

Цзян Умянь не стал томить людей и заговорил прямо, как делал это всегда:

— Через некоторое время управа выделит место для обучения. Пусть каждая деревня пришлет своих людей, мы обучим их искусству приготовления компоста. Мы расклеим указы и отправим стражников в каждую деревню, так что не беспокойтесь — никто ничего не пропустит. И платить за это не придется.

Узнать такой секрет — и даром?!

Неужели они действительно смогут перенять это мастерство, не выложив ни единого медного гроша?

На току повисла ошеломленная тишина. Люди переглядывались, не смея поверить собственным ушам.

Судья Цзян, бесспорно, был праведным чиновником, но при этом ценил каждую медную монету и вел дела с предельной строгостью. Даже когда торговцы на улице пытались преподнести ему подарки от чистого сердца, на следующий день обязательно приходили стражники и отдавали плату до последнего вэня.

И вдруг они слышат: «Бесплатно»?

— Само обучение бесплатное, — ровным голосом добавил Цзян Умянь. — Но за покупку сырья и уплату пошлин придется раскошелиться.

В конце концов, указ императора Цзяньюаня освобождал провинцию от продовольственного налога, но никак не от торговых сборов и прочих податей. То, что южные земли пострадали от наводнений и лишились урожая, вовсе не означало, что здесь замерла всякая торговля.

Услышав это, крестьяне облегченно вздохнули.

Вот теперь всё встало на свои места.

И пусть уездный судья не брал взяток и не принимал подношений, но в одном оставался непреклонен: государственная казна должна пополняться исправно. А у любого, кто осмелился бы утаить хоть один вэнь налогов, не было ни единого шанса уцелеть при встрече с грозным советником Цзян Цю.

Вскоре у ворот управы действительно вывесили официальное извещение: с наступлением зимы старостам нескольких деревень надлежало собрать людей для совместной учебы.

Зима принесла с собой дожди, но они были уже не такими затяжными и яростными, как осенью.

В то время как на севере Поднебесной жизнь замирала, укутанная снежным саваном, на южных рубежах холода лишь ненадолго приглушали буйство природы. Стоило небу проясниться, как жизнь здесь снова закипала с прежней силой.

К этому времени работы по укреплению ветхого жилья в уезде Шаоюань почти завершились. Большинство лачуг успели подлатать, и теперь крестьянам больше не грозила смертельная опасность оказаться погребенными под рухнувшими от ливней глинобитными стенами.

Дорогу из цемента, ведущую к административному центру префектуры, проложили пока лишь наполовину, зато все пути, соединяющие деревни с уездным городом, были укатаны на совесть. Теперь в ненастные дни повозки больше не вязли в липкой грязи, срывая сроки поставок.

Благодаря этому, несмотря на частые туманы и преграждавшие путь горные хребты, связь между деревнями крепла день ото дня. Да и стражникам из управы стало гораздо проще разносить указы.

Если в дальних поселениях люди еще выказывали легкое недоумение, то жители деревни Чэньцзя уверовали в новые методы раз и навсегда.

Они своими глазами видели весь путь зерна от колоса до весов и доподлинно знали: приказы уездного судьи приносят небывалые плоды. Поэтому и рвение к учебе у них было исключительным.

Общее руководство обучением взял на себя советник Линь Шоуюань, осуществлявший надзор. Непосредственно же тонкостям дела крестьян обучали стражники уездной управы и Чэнь Пин, который навещался в деревню каждые несколько дней. На Чэнь Пина, помимо наставничества, легла еще одна важная обязанность, возложенная лично Цзян Умянем: вести подробный учет.

Ему поручили составить ясный и подробный отчет о состоянии опытных пяти му земли. Текст должен был быть простым, без вычурных книжных оборотов, чтобы любой неграмотный крестьянин мог с легкостью понять суть.

Что же касается перевода этих записей на строгий канцелярский язык официальных докладов, то эта задача целиком ложилась на плечи советника Линя.

Пока в уезде всюду шло обучение премудростям создания удобрений, Цзян Умянь тоже не сидел сложа руки. Вместе с даосом Цзинь Бухуанем они засели за усовершенствование гончарного дела — благо теперь в его распоряжении оказалась целая половина трюма, груженная каменным углем!

Большую часть угля отправили в горы для растопки плавильных печей, но малую долю приберегли для опытов.

В прошлый раз, когда Цзян Умянь направлялся к Цзинь Бухуаню, чтобы обсудить обжиг глины, на пути возникли непредвиденные препятствия, а хлынувшие следом государственные заботы и вовсе заставили отложить это дело. И вот только теперь у него наконец появилось время заняться керамикой.

На столе в загородной резиденции выстроились глиняные сосуды и чаши, доставленные различными торговыми караванами. В большинстве своем это была грубая, первобытная утварь, годящаяся разве что для непритязательных крестьянских харчевен.

Цзинь Бухуань долго вертел в руках широкую пиалу, бережно постукивая по краю и прислушиваясь к рождающемуся звуку. Спустя некоторое время он покачал головой:

— Господин судья, даже первосортная грубая керамика не отвечает вашим запросам. Чтобы уложить трубы под землю и не бояться, что их раздавит тяжестью грунта, нам нужна совершенно иная прочность.

Укладка под землю означала создание канализационной системы. Цемент служил внешней защитой, а керамика — внутренним каркасом, способным выдерживать колоссальное давление подземных вод.

Разумеется, назначение этих труб было куда шире обычного водостока, поэтому Цзян Умянь и предъявлял к ним столь жесткие требования.

— Нужно изменить способ нанесения глазури, — отозвался Цзян Умянь. Ему тоже не понравился глухой, неровный звук дешевой посуды.

Сказать-то легко, да как подступиться к делу?

Цзинь Бухуань лишь из уважения к щедрому жалованью удержался от того, чтобы закатить глаза. Вместо этого он принялся терпеливо объяснять уездному судье все тонкости гончарных бед: печи не дают нужного жара, качество глазури никуда не годится, да и сам способ обжига безнадежно устарел.

Если двигаться на ощупь, проводя опыт за опытом, то на поиски верного решения уйдет не одно десятилетие.

Но Цзян Умянь пресек все его жалобы одной короткой фразой:

— Делай так, как здесь написано.

Даос уставился на исписанный лист бумаги, который судья положил прямо перед его носом. Сведя глаза к переносице, он благоговейно принял свиток обеими руками.

— Господин судья, это... рецепт обжига фарфора?

И он отдает его вот так просто?!

Это же секрет производства тончайшего фарфора!

Такое знание не чета копеечному составу для перегона. Подобные формулы передаются в роду из поколения в поколение как величайшая тайна! Обладая одним лишь этим листком, можно сколотить состояние, превосходящее стоимость целой флотилии заморских торговых судов!

Заметив, как затуманился мечтательный взор даоса, Цзян Умянь вернул его на землю сухим замечанием:

— Здесь изложен чертеж того, что мне требуется. Какими путями ты будешь этого добиваться — решать тебе, но конечный продукт должен в точности соответствовать этим описаниям.

Цзинь Бухуань лишился дара речи.

«Выходит, все прежние щедроты — и цемент, и обжиг красного кирпича — были лишь приманкой для этого главного дела?»

На самом деле всё было тоньше. У Цзян Умяня действительно имелись точные научные формулы и технологические схемы, но для их воплощения требовались станки и машины, которых в Великой Чжоу — да и во всем подлунном мире — попросту не существовало. Пока технологии находились в зачаточном состоянии, пробелы приходилось восполнять за счет векового опыта и интуиции потомственных мастеров, таких как Цзинь Бухуань.

— Пропорции сырья и температурные режимы указаны на листе. Но сам процесс обжига и точную калибровку смеси тебе придется определять самостоятельно, — с этими словами Цзян Умянь протянул даосу утвержденную смету расходов. — В пределах этих средств любые материалы будут доставляться тебе в первую очередь.

Судья говорил обыденным, спокойным тоном, но Цзинь Бухуань уловил, насколько серьезно тот относится к созданию этих невзрачных глиняных труб. Здесь явно крылся какой-то государственный интерес государственной важности.

Отбросив привычную лень и панибратство, даос выпрямился и почтительно поклонился:

— Господин судья, ваш слуга приложит все силы.

Выйдя из ворот усадьбы, Цзян Умянь шумно выдохнул, и в морозном воздухе закружилось легкое белое облачко.

Зима на самом южном краю империи редко баловала сильными морозами, но даже полуденное

солнце не могло разогнать пронизывающую сырость. На мостовых тускло блестели лужи, воздух казался пропитанным влагой.

Будь в городе проложена подземная канализация, эти нечистоты уходили бы за считанные мгновения, избавляя улицы от вечной грязи.

«Еще несколько дней, и достопочтенный учитель прибудет к месту службы в Линнань», — думал Цзян Умянь, неторопливо ведя лошадь под уздцы по направлению к городу и мысленно подсчитывая успехи.

Сельское хозяйство теперь полностью легло на плечи Чэнь Пина. За рудниками приглядывал советник Чжан Жун. В уездной управе делами заправлял въедливый Цзян Цю. Советник Чжао Чэн застрял на дальнем острове, занимаясь геодеческой съемкой, и вернется еще нескоро.

Помощника судьи Чжоу Цюаня тоже можно продвинуть в делах, постепенно расширяя его полномочия. Для начала стоило переложить на него вопросы ведения обрядов и жертвоприношений в ведомстве ритуалов.

В вопросах местных верований и обычаев чужаку Цзян Умяню никогда не сравниться с уроженцем этих мест. Чжоу Цюань улаживал такие тонкости куда искуснее.

«Помощников пока хватает, но мыслящих людей все еще слишком мало», — рассуждал он. Чтобы двигаться дальше, нужно было привить грамоту всему уезду.

Хотя бы самые основы. Необязательно растить из каждого чиновника или великого ученого, но каждый служащий в управе должен уметь читать и считать. Тогда отпадет нужда тратить казенные деньги на наемных грамотеев каждый раз, когда нужно зачитать указ неграмотным крестьянам.

Вернувшись в управу, он немедленно созвал короткое совещание. В зале собрались все ключевые лица: три советника, помощник судьи, заведующий тюрьмой и архивом Ван Си, а также представители всех шести присутственных палат.

— В уезде вводится всеобщее базовое обучение, — объявил Цзян Умянь, не обращая внимания на вытянувшиеся лица и недоуменные взгляды подчиненных. — Программа будет простой: только самые обиходные иероглифы и азы арифметики. Мы не станем отрывать от работы взрослых кормильцев. Обязательному обучению подлежат дети от семи до шестнадцати лет. Занятия будут занимать всего четыре часа в день. Остальное время они, как и прежде, смогут помогать родителям по хозяйству. Те же, кто старше шестнадцати, вольны посещать уроки по собственному желанию в свободное от работы время. Принуждать никого не станут.

«Учить детей такой скудости? Да разве эти обрубки знаний могут принести хоть какую-то пользу?» — вертелось в голове у помощника судьи Чжоу Цюаня.

Сам он был классическим ученым первой степени, прошедшим строгую школу императорских экзаменов, и подобные новшества казались ему верхом нелепости. Однако, зная, что уездный судья крепко держит его за горло прошлыми прегрешениями, он благоразумно промолчал.

Зато советники церемониться не стали. Цзян Цю нахмурился так сильно, что на лбу прорезались глубокие складки.

— В казне нет на это средств, господин судья, — резонно возразил он. — Простая крестьянская семья зарабатывает от силы два-три лана серебра в год. Между тем самый скромный набор из кисти, туши и бумаги обойдется в один лан и тридцать фэней. А ведь нужно еще платить учителю, нести подношения...

Он замолчал, давая остальным прочувствовать очевидное: расходы на обучение были непосильным бременем для простых людей.

Цзян Умянь покачал головой:

— Вы слишком усложняете. Наша цель — не взрастить ученых мужей для государственных экзаменов, а научить людей читать указы и считать сдачу на рынке. Кисти и тончайшая бумага нужны будущим чиновникам, но никак не крестьянским детям. Если нет туши, почему бы не воспользоваться обычным древесным углем? Обтесать уголек, зажать его между двумя лучинами — вот вам и готовый грифель, которым можно писать на любой гладкой доске. А можно поступить еще проще: выводить знаки деревянной палочкой на речном песке. Смысл ведь в том, чтобы запомнить начертание знака.

Если свести обучение к умению распознавать знаки и производить простейшие вычисления, траты на дорогие писчие принадлежности отпадут сами собой. Единственными статьями расходов останутся учебные пособия и жалованье наставникам.

Слушая неторопливые объяснения Цзян Умяня, собравшиеся постепенно меняли гнев на милость. Мысль, казавшаяся поначалу безумной, теперь обретала вполне отчетливые очертания.

— Если всё получится... — ошеломленно прошептал советник Линь Шоуюань, — то Шаоюань станет уездом с самым большим числом грамотных людей во всей Великой Чжоу!

Цзян Умянь втайне лелеял куда более масштабные планы Кампании по ликвидации безграмотности, но понимал, что сейчас не время раскрывать все карты. Уезд Шаоюань и так развивался слишком стремительно, людям нужно было дать время освоиться с переменами.

К тому же столь масштабная кампания требовала серьезного политического прикрытия, так что разумнее было дожидаться приезда его почтенного учителя Се Яньхана.

— И последнее, — подвел итог судья. — Новые правила не должны вредить текущим работам. Для всех, кроме детей обязательного возраста, учеба — это награда, которую нужно заслужить честным трудом. Сначала дневной урок выработки — и только потом занятия в классах.

<http://bllate.org/book/19045/1988240>